

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЖЕНЩИНЫ-РАБОТНИЦЫ.

Делегатки с мест.

Фото-этиюд Я. Толчана.

Московские песни

Стихотворение *Ник. Асеева*

Синий разбой за звездной резьбой
Перемигнулся с курной избой.
Песни во лжи—что мыши во ржи,
Люди! Берите их сразу в ножи!
Дан запевале короткий срок,—
Жизнь он положит за пару строк!

Гром разгремится—ударит в дверь,
Сгой, как стояли, Орел и Тверь;

Чертовым пальцем стрельни гроза,
Окаменейте навек глаза...
Красные строки долой с листа—
Все возвратись на свои места!

Нет тебе песня спасенья здесь,
Склепаны тесно с невесткой тещь
Слеплено тесто в тяжелый ком,
Искры притоптаны каблуком;

Снова, слоновьи ступни под'яв,
Кругом в присядку пошли дядья!
Новый с навесу ударит гром
Молнии сплавят обличье кром
Печь да лежанка поедут вкось
Выпустят кухни из пасти кость...
Здесь не помогут ничьи слова—
Молодость вступит в свои права!

Ник. Асеев.

Подписание Итало-Советского договора

Фот. для «Огонька».

В Риме Н. И. Иорданский и итальянский премьер-министр Бенито Муссолини подписывают договор во дворце премьера. Слева—торговый представитель СССР Я. Д. Янсон.

Подарок женотделу МК РКП посвященный в день пятилетней годовщины, работы живописца от ячейки РКСМ М.-К. жел. дор.

Сердечный, искренний привет вам, работницы и крестьянки!

[Статья для „Огонька“ Клары Цеткин.]

Сердечный, искренний привет вам, работницы и крестьянки вам трудящиеся женщины Союза Советских Республик!

Вам удалось в революционной борьбе низвергнуть капитализм; вы взяли всю власть в стране в свои руки и создали рабоче-крестьянскую республику.

Работницы и крестьянки других стран находятся в более тяжелых условиях, чем вы. Тонкий кусок хлеба, который отрезают им господствующие классы, и мало у них времени для отдыха и покоя, для учения и радости.

Во многих странах женщины все еще не имеют ни в семье, ни в государстве равных с мужчинами прав; а это означает, что у них нет равных с мужчинами средств и орудия защиты против вымогателей.

Не сотнями тысяч, а миллионами насчитываются безработные—и между ними большая часть женщин. Заработки работающих счастливых ничтожны. Мало того, помещики, фабриканты и ростовщики чудовищно высоко поднимают цены на продукты первой необходимости. Правительство богатей грабит рабочих и бедняков своими налогами, снимают с них все до последней рубашки, да подчас не оставляет на них и самой рубашки.

Рабочие должны оплачивать гигантские счета империалистической разбойничьей войны. Они одни должны нести на себе расходы по восстановлению капиталистического хозяйства, благами которого пользуются исключительно богачи.

Буржуазии недостаточно ее обычных приемов властвовать как в хозяйственных делах, так и в управлении государством. В Испании, Греции, Японии и др. странах установлена военная диктатура, в Италии и Болгарии—господство фа-

На работу!

Фото-этиюд Я. Толчана.

положение, гонение на коммунистическую партию со стороны войск генерала Секта.

Везде, где капитализм, своей тяжелой стопой, наступает на волю трудящихся масс,—международный коммунистический день работницы должен бросить призыв трудящимся—женщинам и мужчинам,—не останавливаться на пути, не знать покоя и отдыха, покамест капитализм не будет ранен на смерть, не будет разбит вдребезги.

Ваш нынешний день, работницы, закрепит братский союз между пролетарской женщиной и крестьянкой. Он свяжет женщин города и деревни в едином желании и стремлении совместно поднять хозяйство и культуру.

Чтобы обеспечить свободу и счастье для всех, нужно широко открыть все источники образования для молодежи в городе и деревне. Она должна достигнуть, при помощи всестороннего воспитания и образования, высшей степени развития во всех отраслях знания—для работы во имя коммунизма.

Трудящиеся женщины в капиталистических странах знают, что в Советской России и тесно связанных с ней Советских республиках,—все силы государства, советских органов, коммунистической партии, рабочих организаций, союзов—работают в этом направлении для расширения женщины.

Капитализм зорко следит за нами на улицах нашей страны. Ваше хозяйство еще не устроено и бедно. Но так-же, как вы с вами и братьями могли создать рабоче-крестьянское государство, так вы вместе с ними приведете его к коммунизму. Ваш путь указал тов. Ленин. Вы должны совершить это великое дело, как последнее завещание его.

Клара Цеткин

Международный день работницы и крестьянки

Фото-этиюд Я. Толчана.

Фото-этиюд для «Огонька».

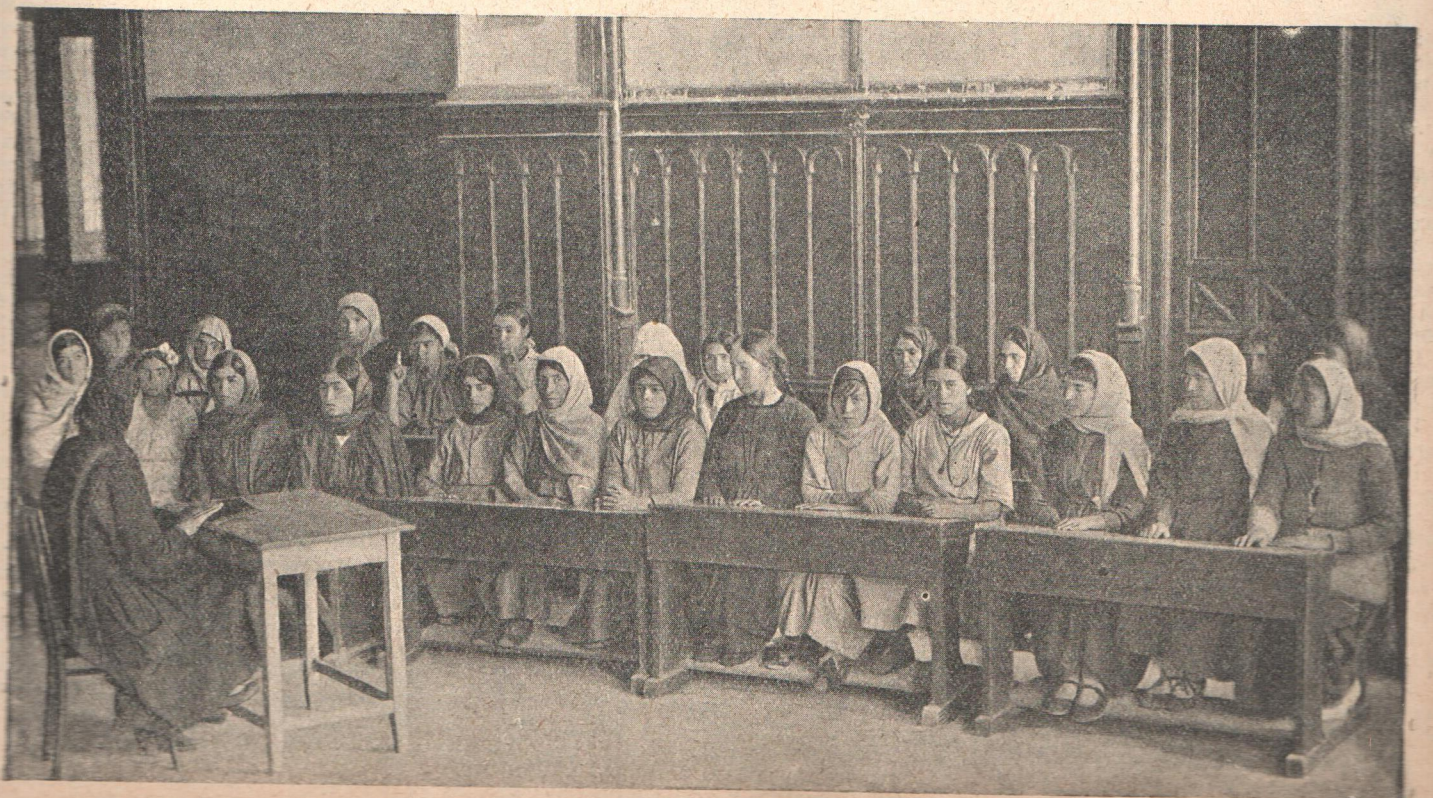
Работница трехгорной прохоровской мануфактуры.

Крестьянка делегатка III-го всерос. совещ. женотделов т. Бычкова.

Пробуждение женщины на Востоке

От корреспондента «Огонька».

Клуб им. Али-Байрамова. Инструкторские курсы для женщин-учебниц в Азербайджане.

Пальто

Рассказ Василия Андреева

1.

С Калязина, Андриана Петровича, грабители пальто сняли. Вечером. На улице. Пригрозили револьверами.

Заявил в милицию. Время шло, а злодеи не обнаруживались. Да и как найти? Руки-ноги не оставили. Найди, попробуй. Петербург не деревня. Сначала случай этот Калязина ошеломил, но спустя день, два, когда горячка прошла, новое чувство им овладело: сознание невозможности положения.

Нельзя так! Невозможно без пальто.

Осень, холода на носу, а тут—в рубахе. Да и неловко, неприлично: дождь, ноябрь, у людей воротники подняты, а он—в рубахе, в светлой, в кремовой.

«Майский барин»—так сказал про него мальчишка-папиросник на Невском. Не сказал даже, а бесцеремонно вслед крикнул.

«Майский барин»—гвоздем в голове, сколько дней.

Положение безвыходное. Как достать пальто—не придумаешь.

Денег не было. И ничего такого, чтобы на деньги перевести—тоже.

И без работы. Жил так, кое-чем, случайным заработком, перепискою.

Но на этот скудный и редкий заработок не только из одежды что купить, а питаться и то впроголодь.

А подмоги—неокуда. Родных или знакомых таких, чтобы выручили—никого.

Время же осеннее, скоро и белые мухи. А затем и морозы.

Но не только холод пугал.

К нему, к морозу то может быть, можно и привыкнуть. Ведь ходили же юрловы, блаженные, круглый год босиком? Хотя, говорят, с обманом они: салом ноги смазывали, спиртом.

Но все-таки привыкнуть может быть и можно.

Главное ж: один в целом городе, в столице северной (именно северной),—один, в рубашке одной!

Центр внимания! Все смотрят.

Невозможно!

Лучше голому. Голый так уж голый несть—что с него возьмешь?

Смелый или проповедник культуры

тела,—бывают такие оригиналы, маньяки разные.

В прошлом году мольчишка один, юноша, часто Калязину на улицах попадался.

на глаз в переулке глухом—что липку обдерет. Что ему, отпетому такому, бродяге-оборванцу, забубенной головушке, что ему? Ограбить, обобрать—профессия его, поди. Промышляет этим»...

Казалось, так думали эти встречные, вслед недружелюбно, с опаскою поглядывающие...

Международный день женщины-работницы

Работница монтерной мастерской.

Фото-этид Отто Шмидта.

2.

Сначала чувства отчаяния, угнетения, потом—недовольство, злоба против людей.

Против всех, что на улицах в теплой, в настоящей по сезону одежде.

Злоба на бесчувственность людскую, на то, что человек человеку (как у писателя одного сказано)—бревно.

Да как и не быть злобе?

Разве можно чтобы в республике свободной, в братской, так сказать, стране, где все за одного и один за всех, коллектив где,—чтобы в столице, в городе первом первой по свободе страны, не в угле каком медвежьим, где моды с волками глаз на глаз, а в самом Петербурге, и вдруг—нате!—человек без одежды,—рубаха какая же одежда?—человек в рубахе позднеей осенью и не по своей вине, а ограбленный, раздетый бесчеловечно. И рубаха то пускай бы черная, с воротом глухим, а то с шеей открытой, кремовая, в брюки забранная, с галстучком пестреньким и поясом резиновый с карманом для часов. Ведь так на даче только гуляют, купаться так ходят, а не в городе, когда снег того и гляди...

Так думал Калязин, по улицам в поисках заработка бегая, под взорами встречных, недоверчивыми и нехорошими, пробегая, злобно

кляня бесчувственность, деревянность бревенчатую людскую, и часто становилось невыносимо, казалось, миг еще и не овладеет со злобою—кинется на первого встречного, за пальто уцепится, за воротник; как кладь какую из мешка, человека из пальто вытряхнет, как его тогда грабители грубо раздевали, вытряхивали из новенького демисезонного его пальто...

3.

Свежее, пасмурнее становились дни. По утрам в комнате Калязина, если дохнуть,—парок изо рта.

Скоро утренники, а потом и снежок первый и морозец первый. Быстро в Питере наступает зима.

Сжимается сердце калязинское от отчаяния—хоть в петлю. Утром одним Софья Семеновна, квартирная хозяйка, вдова, спекулянтша, спросила:

— Что ж вы в рубашке так и ходите?

В жар бросило от слов этих и ответить что—не знал.

Унылое что-то, нескладное, вроде:

— Уж и не знаю, как и быть, вообще...

А хозяйка—наставительно так и строго:

— Работы ищите. Мужчина, а работы не можете найти. Без работы не оденетесь.

А сама в глаза прямо смотрит. Сверху. Высоченная, Калязин ей ниже плеча, толстая бабища, спекулянтша, Софья Семеновна.

И в десятый раз бесцеремонно начинает расспрашивать, как раздели, ограбили.

И почему-то смущаясь, путаясь, рассказывает Калязин и рассказ получается неискренний—не верит ему Софья Семеновна. И странно, он тоже не верит—по рассказу путанному, робкому, самому даже поверить нельзя!

После, один, лежит на узкой своей кровати, вспоминает недавний разговор с хозяйкою и злится тяжело и затаенно.

Стыдно, досадно, что не мог рассказать так, чтобы Софья Семеновна, бревно это толстое, поверила. Представляет, как стоял перед нею, растерявшийся, как школьник, глаза опустив и пуговку рубахи зачем-то теребил. Чего смущался,

Девушка-крестьянка, председатель сельсовета села Паршино, Ероштинской вол., Екатеринбург. уезда Г. Я. Третьякова 22 лет.

стыдился? Будто не о том рассказывал, что его ограбили, а наоборот—он ограбил кого-то, раздели! — Дрянь, паршивец, человек тоже!—мысленно ругает себя Калязин:—щенок, которого каждый кому не лень, ударит, ногой пнет.

И ограбили потому, что такой уж подходящий человек. Беззащитный, что пес, щенок. Наверное так. Ведь грабители не первого встречного грабят, а выбирают кого полегче.

Вспоминается, как тогда, ограбленный, не бежал, не кричал—стыдно было в рубашке ночью улице бежать и кричать, — только шаг ускорил, постового милиционера ища, а, найдя, подошел не сразу, прошелся мимо раза два и заявляло словно между прочим, с извинениями:

— Извиняюсь, товарищ... Сейчас, это... пальто с меня...

Путался, сбивался и тихо так говорил, точно не о грабеже, налете вооруженном, а о самой обыденной случайности и даже просто будто улицу спросить к милиционеру подошел.

Милиционер переспрашивал часто и косился все.

«Тьфу!»—плюет Калязин и гонит неприятные воспоминания, в подушку утыкается, глаза жмурит...

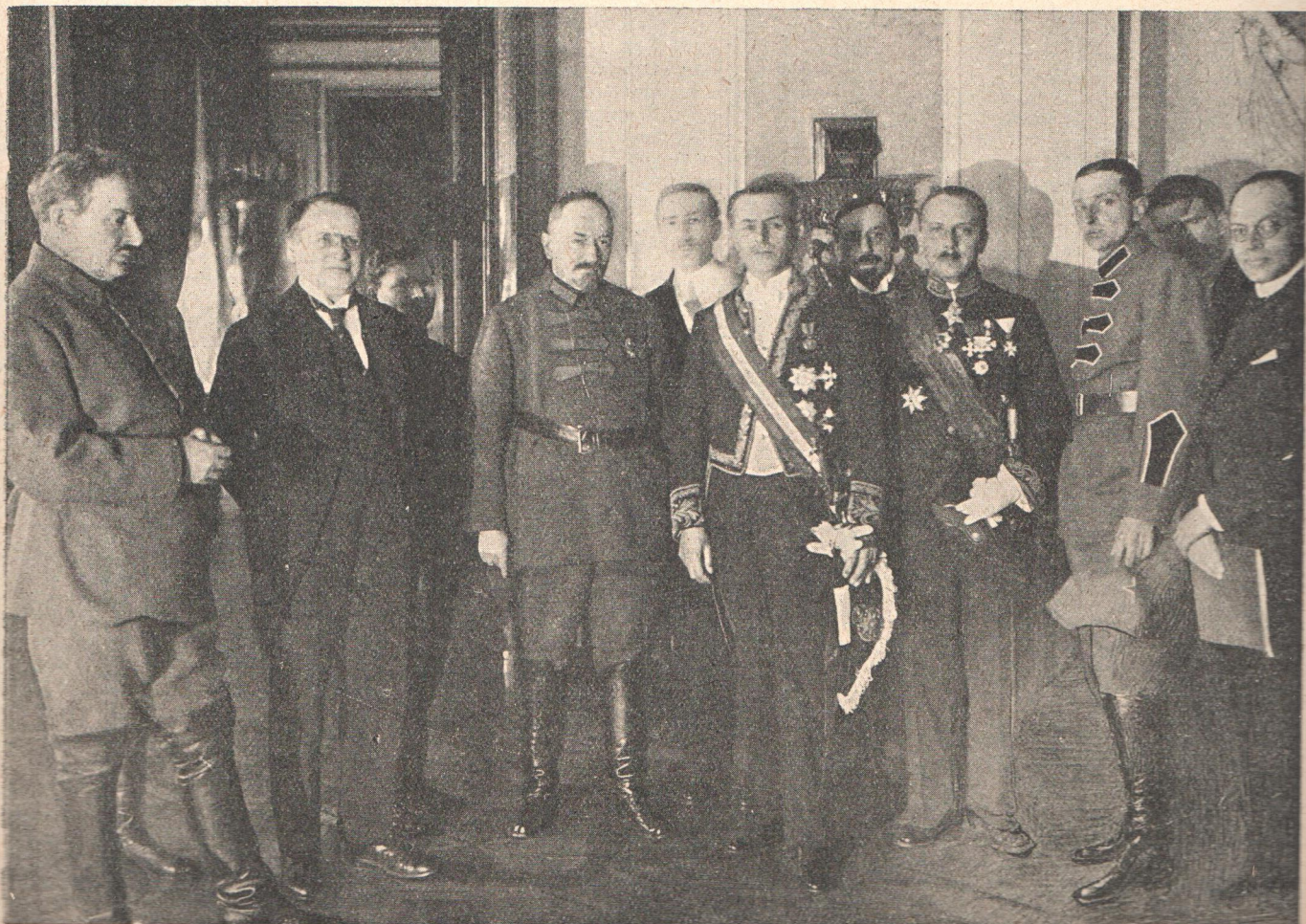
4.

Туго заработки случайные отскакивали.

Или это отказывать стали в работе «такому», в рубашке, но так как и такому, а неловко же напрямик: «ничего тебе не будет!»— вот и говорили, что срочной не-

Итальянский посол в Кремле

Фот. Петра Оцула.

Вручение вежельных грамот новым итальянским послом графом Мантони. Стоят слева направо: секретарь ЦИК СССР А. С. Евушкев, зам. командера М. М. Литвинов, наркоминдел Г. В. Чичерин, граф Г. Мантони, зав. экон.-правовым отд. А. В. Сабанин, итальянский торговый представитель г. Бергонни, зав. протокольной частью НКВД Д. Т. Флоринский, зав. англо-романским отделом С. Б. Котан.

обходимой переписки пока не предвидится.

Без дела же сидеть нельзя. Нанялся как-то на поденную, мост перемащивать, доски перестилать.

Работать было тяжело, не привык к такой работе—раньше ничего тяжелее карандаша в руках не бывало.

Работать пришлось с мальчишковой деревенским, из беженцев, с голодающих, на-верное, мест.

Мальчишка к работе привычный, здоровый, домил, как медвежонок. Загнал Калязина в короткий срок. В ушах звенело, ноги дрожали, подкашивались, боялся, что разорвется сердце,—плыли круги в глазах.

А мальчишка подгонял, грубо покрикивал. И ворочал без устали. Только лицо загорелое, блином—точно маслом покрывалось и грудь рубаху топорщила.

Делалось тяжело—безысходно.

Сердце жгло. Мutilo всего.

5.

День холодный. Первый был утренник.

На лужах тонким стеклышком ледяная корочка. Розовые бодрые люди попадались навстречу Калязину. Шел вдоль стен. Привык стеною пробираться, как животное бездомное, пес. Не так заметно, не всем—на глаза.

Холодно ушам, кончикам пальцев. И спине.

Железом притиснулся холод между лопаток.

Последний день сегодня ходит—так решил. Последний день без пальто.

Украдет, ограбит, как его ограбили, а достанет.

Чего в самом деле? Если люди—не люди, то и церемониться нечего. Снимай пальто и баста!

Разве люди это? О чем они думают, к чему стремятся? Вот на улицах червонцами, валютой торгуют.

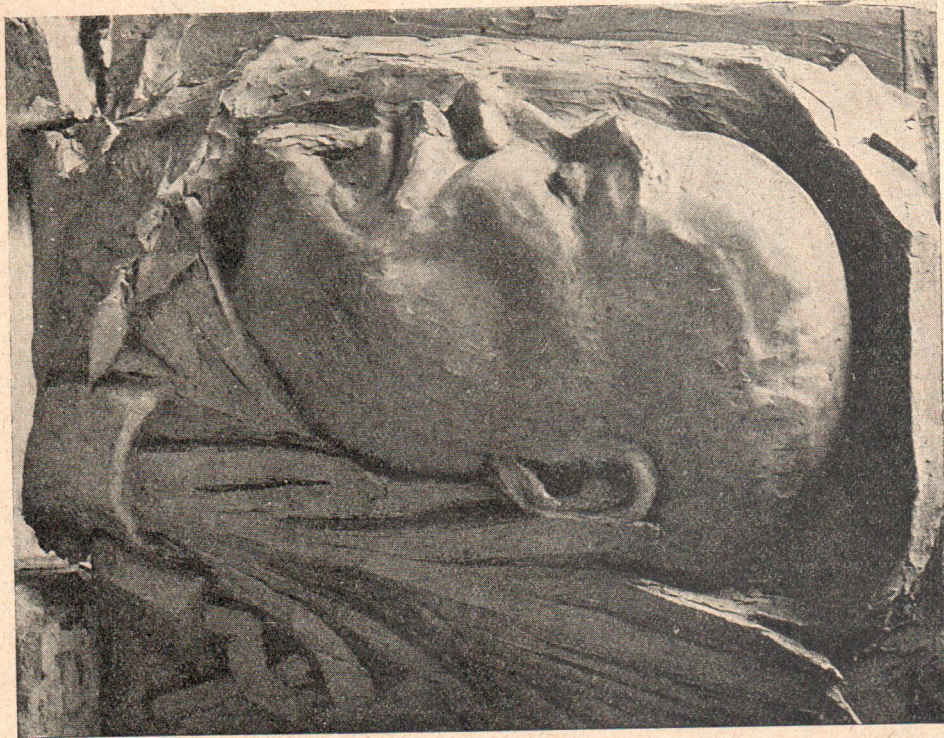
Или щенков чуть не джгут, сетеров каких-то чистокровных покупают—миллиарды за щенков сопливых.

Они и собак держат при себе и кошек не потому, что любят животных, а для того, чтобы существо подвластное иметь,

командовать. Чтобы пресмыкалось перед ними оно. Потому после революции, как власть от них отняли, особенное стремление они к животным чувствуют. И торговцы-собачники потому на каждом углу. Учили психологию, шельмы-собачники! Люди!

Злоба кипит в сердце Калязина. Жарко даже. В рубахе—жарко. Быстро, рысью вдоль стен. Как в котле паровоза, в теле, в сердце, в жилах кипятком кипит кровь, оттого холод не чувствуется, и бежит оттого, стремительности своей не замечая.

Лицо Ленина.

Барельеф с лица В. И. Ленина на смертном одре, работы акад. И. Я. Гинзбурга и худ. Харламова.

Не чувствовал усталости, мыслей не было никаких, только сознание: вечером, лишь стемнеет, в переулке уже облюбованном, ждать будет жертвы.

Без выбора. Первого. В пальто который. Временами нащупывал в кармане складник. Целый вечер вчера на бруске точил. Софья Семеновна в кино уходила, а он целый вечер—на бруске, на свободе, один, весь вечер.

Улицу за улицей обходит, колесит, то расширяя, то суживая роковые круги-обходы: кружит, колесит все в районе одном, в том, где переулоч облюбованный, место расплаты идола-человека.

Серые, быстро надвигаются ноябрьские сумерки, роют в углах ямы—темноту,

блекнут человеческие лица, не видно пытливых, знакомых Калязину людских глаз.

Замедляет шаг быстрый, не раскидывает обход свой, а уже и уже смыкает круг, ближе все ближе к переулку облюбованному, к месту примеченному, месту расплаты за бесчувственность идола-человека.

Долго стоит в переулке, у забора, нож уж за пояс заткнув, зорко вглядываясь в узкий, вечерне-потемневший переулоч. Вздрогнул.

Вдалеке, среди мостовой, на отсветах окон—человеческая фигура. «Сюда идет!»—соображает Калязин.

И ждет. Но не деятельно, не так, как готовящийся к чему-то жуткому, необычайному, не как разбойник—жертвы в ночном лесу ожидает, зверино к нападению готовый, хищный наскок в недвижности каменной ярче, чем в самом прыжке вылив, в недвижности, что сама уже—дело, акт почти завершенный, не так ждал Калязин, а просто черезчур, как бы улицу нужную спросить у прохожего или спичку, огня для папироски.

«Э, чорт!—с досадою ругается про себя,—как тогда милиционеру заявить стеснялся... Тьфу!..»

Близко уж черная высокая фигура. Мерно, гулко на подмерзшей дороге звучат шаги.

Вот сейчас подойдет.

Делает шаг вперед Калязин, крепко рукоятя ножа сжав. Еще шаг.

«Стой!»—хочет крикнуть этому черному, бесстрашно идущему навстречу, но, почти столкнувшись, различив белое пятно лица, отступил почему-то вбок, неловко, в лужу подмерзшую льдом, затрепавшую, ступив, пробормотал:

— Извиняюсь.

И обойдя черную длиннополую фигуру, остановившись нерешительно и опасно,—торопливо зашагал.

А в ушах нестерпимо звучали, с каждым мигом затихая, шаги прошедшего мимо, того, в пальто, который...

Василий Андреев.

Родительный падеж

Шуточная сказка всерьез А. Безыменского.

Милые дети, спасибо за ласку.
Я расскажу вам особую сказку.
Видите, дети, товарищ идет?
Этот товарищ—
Живой анекдот.

Были когда-то гимназии
(Все мы забыли про них)—
Море зубрежки и грязи,
Фабрики городских.
Ну, а в гимназии где ни кинь—
Всюду латынь.
Костя, товарищ, был первым на класс,
Костина воля учбой увлеклась.
Только и горя—латынь не идет.
Из-за латыни остался на год.
Костя с большими от страха глазами

Снова пошел на осенний экзамен,
Где зданье всех его надежд
Разбил родительный падеж
От слова «Номо».
(А таким человеком, как он
Надо бы быть любому).
Костю ушли,
Но Костины руки
Другое нашли.
... И взял он стяг пути иного,
С большевиками стал знаком.
Я встретился не с Костей снова—
С давнишнейшим большевиком...

Дети! Спасают не вдруг!
Дети, глядите вокруг:
Тысячи тысяч латынь задавила.

Тысячи носят на лицах могилы
С надписью четкой
«Убит не ножом—
Рродительным падежом».

Вот рассказал я, что мог.
Станемте, дети, в кружок.
Песенным ладом тягучим,
Радостным гимном весенним
Вместе восславим зарю:
Славу споем фаззавучам,
Славу обоим ступеням,
Славу рабфакам могучим,
Славу навек Октябрю.

А. Безыменский.

В кабинете Ленина

Очерк Г. Граева

Фот. Отто Шмидта

По обычному белому казенному коридору с куполообразным потолком, мимо часового мы подошли в комнату, служившую кузницей человеческого счастья тому, чье имя на всем земном шаре, каждый с акцентом своего народа, проносил с надеждой или отчаянием.

Обитая белой клеенкой дверь бесшумно захлопнулась, пропустив нас в комнату — кабинет Ленина, где еще и сегодня все носит следы вчера только оставленной работы.

Когда мы вошли в кабинет — часы пробили два. Им задумчиво ответили куранты с кремлевской башни.

Мы здесь впервые. Но в ней все, как-то страшно знакомо. Как-то именно так нужно и можно было представить себе кабинет Ленина.

У рабочего стола кресло. С плетеной спинкой и сиденьем. Точно такое же как в Совнарком — его председательское кресло. Эти два любимые ленинские кресла осиротели навеки.

В комнате всякого не военного человека и не специалиста географа было бы странно видеть такое обилие географических карт на стенах, и карт и атласов на столах. Но в рабочем кабинете Ленина — естественно.

Ведь Ленин был мировым вождем революции, он был капитаном корабля кругосветного революционного плавания.

Как может обойтись полководец без карты, чтобы не ошибиться занятием выгодных для революции вышек, как может вождь мировой революции не учитывать всех, даже климатических особенностей очагов революционного брожения и тяжелых и робких мечтаний о свободе.

У Ленина карты всех частей света и одна, вертящаяся на блоке, карта всего мира.

Много русско-иностранных словарей. Но Ленин не левгист. Все же словари ему необходимы, почти как карты.

Посмотрите на «украшения» ленинского кабинета. Найдите из этого сорта вещей, что-нибудь приобретенное по его просьбе. Почти невозможно. Это все доставлено заботами, на далеком расстоянии от этого с куполообразным потолком, с почти белыми обоями без штор кабинета, живущими и работающими пролетариями.

Чернильные приборы, трости, лампы, прессы для бумаг, снимки работ, портреты Маркса и Энгельса, отчеты о работах, снимки торжеств и много, много другого с трогательными надписями...

Письменный стол. Этот маленький стол, который по своим размерам теряется перед рабочим столом любого «ответственного спеса». Но смотрите на него и вы увидите на нем поучительное.

У Ленина на столе коробка перьев и скрепок.

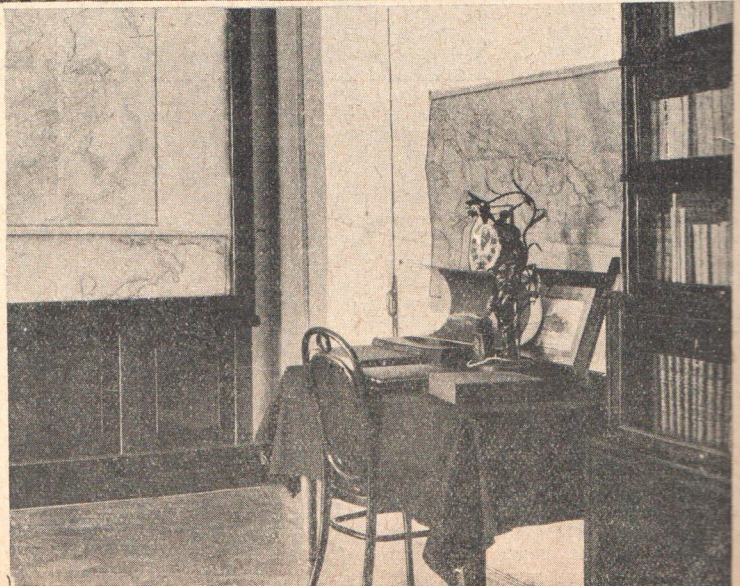
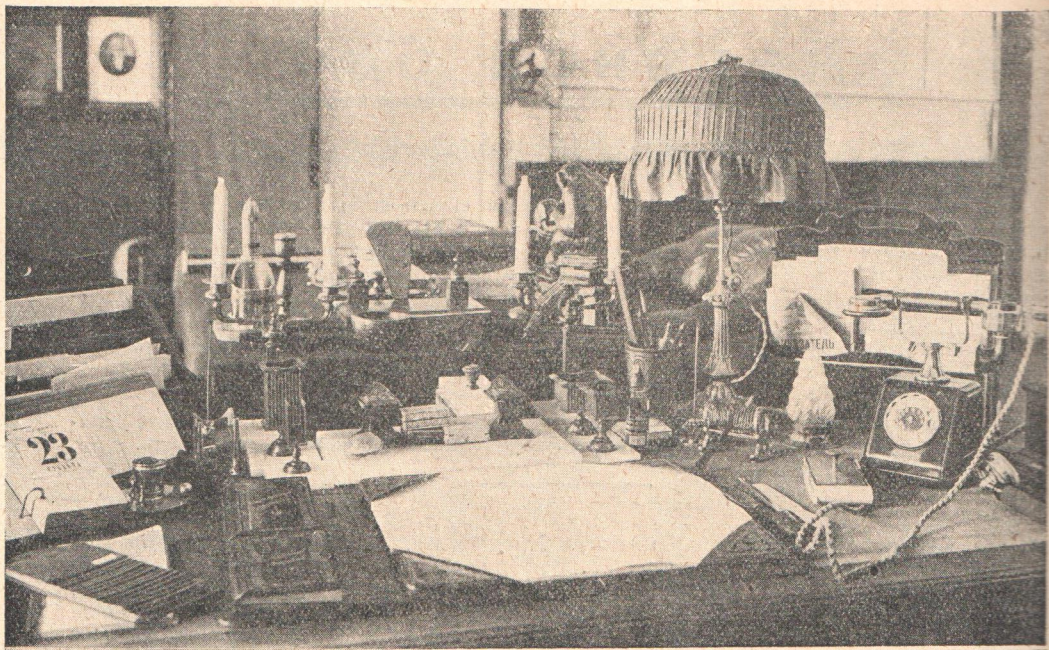
У него на столе канцелярские ножницы, ножи для разрезания бумаг, блокноты с днями, конверты бумаги, карандаши. Рядом — вертящиеся полки со справочными изданиями, сзади — комплект газет, статистические материалы, папки с делами, в книжных шкафах мирные договоры РСФСР и различная литература, вплоть до беллетристики. С обеих сторон стола стоят вертящиеся этажерки с необходимыми справочными изданиями и делами. Сзади стола стоят этажерки с вертикальными делениями, занятые комплектами газет. На столе всего три телефона — без звонков, но с зажигающимися лампочками. На маленьких столиках и этажерках литература, атласы и справочные издания. Перед письменным столом небольшая стол с четырьмя креслами для приема посетителей. Здесь создана исключительно строго рабочая атмосфера, которая позволяет работать не отрываясь. Владимир Ильич в последний раз работал в этом кабинете в декабре 1922 г. После этого он пару раз заходил в кабинет.

Мы были в кабинете 23 февраля 24 года в 2 часа дня. 1 календаря на стенах показывали 23 февраля 1924 г. и часы били 2 часа дня.

На столе лежала ручка, облокоченная на подставку. Стояли этажерки и полочки для бумаг со всем содержимым. На столе, рядом с письменным и на стене висели надписи: «Курить строго воспрещается» и «Просят не курить».

Второй год пошел с тех пор, как замолчали в последний раз телефоны на его столе.

Еще сегодня, кажется, что вышел и что мы пришли с его разрешения посмотреть и заснять кабинет. Верить, что Ленин умер — нельзя. Его кабинет не музей — он рабочий кабинет. Г. Граев.

Рабочий кабинет В. И. Ленина.

Трехлетие Кронш

Ледяной бой

Воспоминания Яна Фабрициуса.

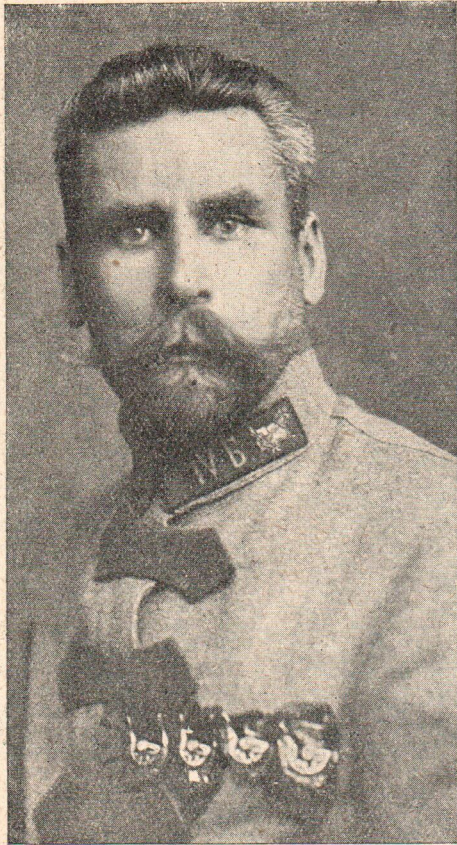
Ян Фабрициус был до последнего времени единственным бойцом во всем Советском Союзе носившим на своей груди четыре ордена Красного Знамени. Первый орден ему вручил лично И. Д. Т. в феврале 1919 года за смелое и успешное командование на Псковском фронте. Вторым орденом он получил за операции под Сморгонью, когда прорвал польский фронт. Третий орден — за Кронштадт.

Четвертый — за арьергардные бои под Варшавой. Эти бои он вел до Кронштадта. Он прикрывал во время этих боев отступление Красной Армии из под Варшавы. В последнее время у тов. Фабрициуса явился пятый и пока единственный его товарищ по четвертому ордену — тов. Вострецов, получивший свой последний орден за разгром банд пепелевцев.

Тов. Фабрициус в настоящее время командир и комиссар Н-ой стрелковой Белорусской дивизии и слушатель Высших Военно-Академических курсов командного состава Красной Армии.

Когда вспыхнул кронштадтский мятеж, я участвовал в работах 10 съезда Советов. Для участия в подавлении мятежа было

командировано по два делегата от каждой представленной на съезде губернии. Я поехал добровольно вместе с другим делегатом Витебской губернии тов. Безойсом. Должен сказать, что делегаты 10-го съезда сыграли в подавлении восстания колоссальную, можно даже сказать, решающую роль. Приехав в Ораниенбаум, находящийся на берегу Финского залива в семи верстах от Кронштадта, я вышел на берег и констатировал ненадежность нашей охраны. Не будем этого скрывать — порядок там был не блестящий. Когда я начал прохаживаться по берегу с одним из товарищей, кронштадтцы открыли по нас артиллерийский огонь. Мы, конечно, не ушли, потому что попасть в нас они не могли. Но эта стрельба свидетельствует о том напряжении, в котором находились кронштадтцы.

Красный командир Я. Ф. Фабрициус участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени.

В Кронштадт надо было идти по льду. Среди частей распространялись злостные слухи о том, что кронштадтцы разбили вокруг острова лед и подойти к острову невозможно. Высланные разведчики до острова не добрались, но, тем не менее, продолжали утверждать, что вокруг Кронштадта вода. Поэтому мы запаслись веревками, досками и лестницами на случай, если бы встретили воду. Командирам пришлось идти пешком, хотя командовать развернутыми полками, не будучи верхом на лошади, было очень неудобно. Потом оказалось, что мы могли не только ехать на лошадях, но и везти с собой орудия.

Перед самым выступлением мне донесли, что невдалеке, в лесу, видны световые сигналы, которые передаются в сторону

Кронштадта. Оказалось, что какие то предатели успели сообщить Кронштадту по азбуке Морзе о нашем выступлении.

Мы двинулись. Большинство из нас было без белых халатов, необходимых для того, чтобы быть незаметным на фоне снега. Я сам был в черной бурке. На льду настроение красноармейцев повысилось. По сигналам и артиллерийской подготовке с нашей стороны кронштадтцы еще раньше знали, что мы идем. Верстах в трех-четырех в нас уже начали попадать снаряды и пулеметные пули. Я вел свой полк прямо на Петроградские Ворота и Петроградскую пристань Кронштадта. У меня был компас и направление было выбрано удачно. В то же время на Кронштадт наступали со всех сторон. Когда мы были верстах в двух от берега, жаркая перестрелка кипела уже везде. Начало светать, и мы увидели город. Слева от нас шел 499 полк, а справа какой то крон-

штадтский отряд. 499 полк оказался прямо перед лицом броненосцев «Петропавловск» и «Севастополь», которые открыли по нем сильный огонь. Вместо того, чтобы ложиться, полк обратился в бегство. Скомандовал своим: «Ложись!». Я обошел их по всему фронту и убедил в том, что никто из 499 полка не спасется. Наше спасение — только в наступлении. Поддавшийся было уже панике кронштадтский отряд успокоился, когда увидел, что мы стоим. Но прожектор начал нас нацеливать. Вижу — плохо. Я говорю: «Бросайтесь, прицела на нас навести не успеет, а пули нас не возьмут. Пу и берут только трусов». Шедшие за нашим полком т.т. Ворошилов и Затонский рассказывали потом, что удивлялись дружным и решительным дей-

ствиям нашего полка. Я крикнул «ура» и бросился вперед. Полк последовал. Задние ряды немного отстали и пострадали от снарядов. Но я думаю, что кронштадтцы

В. И. Ленин и Л.

с перепугу не переменили прицелов на своих винтовках, потому что их пули летели не в нас, а куда то в небо. Всего у меня было убито человек 90. Мы ворвались на пристань. Матросы укрылись в трехэтажном доме, стоявшем поперек пристани и стреляли из него. Мы залегли и не могли

ТАДТСКОГО МЯТЕЖА

двинуться дальше. Но я пробрался в сторону и раздобыл одно орудие. У нас не было артиллеристов. «Ничего», говорю, «я сам артиллерист», и навел дуло орудия

трудно было бороться с засевшими в домах. Дома делали так: пропускали нас молча, а когда мы проходили, обстреливали нас сзади. Раз к нам даже забрались в тыл,

ли бросать ручные гранаты и засыпать меня снегом и камнями—хотя не равнялись. С 12 часов ночи перестрелка начала утихать. В половине второго сдался «Петр

Троцкий среди участников подавления мятежа

Фот. Л. Леонидова.

Л. Д. Троцкий среди членов X партийного съезда, вернувшихся с кронштадтской операции.

на середину дома. После третьего выстрела матросы сдались. К тому времени вернулся 499 полк. Весь день 17 марта на улицах кипел тяжелый бой. Мы освободили из тюрьмы уцелевшего чудом комиссара кронштадтской крепости тов. Н. Кузьмина. У нас не было броневых машин и нам

Но я пробрался задворками и переулками к тылу и вышиб нападавших. Раз матросы хотели братаньем поколебать наших красноармейцев. Но я знал, чем это грозит. Когда ко мне прибежали и сказали об этом, я дал матросам две минуты на то, чтобы они ушли. В ответ на это они нача-

павловск». В 2 часа ночи с 17-го на 18-го стрельба прекратилась.

Ян Фабрициус

Конец бумажной валюты

Фот. Отто Шмидта.

26 февраля с/г. на улицах Москвы был раскрыт декрет о выпуске, после девятилетнего перерыва, звонкой монеты, серебряной и медной. На снимке наш фотограф запечатлел момент чтения декрета.

ТРЕЩИНКА

Рассказ С. Вашенцева.

Самое у председателя основное—губы; являли они собой в лице законность: плотные, приплюснутые одна к другой; когда говорил он, губы принимали вид желейки—слова получались почтенные и благопристойные.

Председатель калитку приоткрыл, глазом неч-нет туда—ждал.

Когда Эстер подошел, председатель остановил его за рукав, отвел с тротуара на мостовую, чтобы лучше видно было и показал:

— Заметили под карнизом трещинка. Под самым карнизом. И может угрожать здоровью и благополучию проходящих граждан.

Эстер посмотрел, куда показывали, ничего не увидел.

— Нет,—ответил,—не вижу, товарищ Редькин! Близорук я.

— Не изволили заметить. Хе! Хе! А стоит. Стоит. Вечером пойдете под трещинкой с дамочкой, виноват, я в смысле

И прихлюстнет вас или дамочку вашу. Вот она беда-то где может. Нирвана китайская—смерть.

Эстер из под очков—взгляд подозрительный.

— Может быть это вы говорите в другом смысле каком? Как вас надо понимать?

Председатель рукав погладил, жильца, пылинку снял—все это любовно, с полной заботой.

— В самом, то есть, обыкновенном смысле. По должности, так сказать, председателя сего жилищного товарищества, наблюдая, к слову пришлось, порядок и мораль среди жильцов.

У Эстера на правой щеке вдруг жила чернью налилась. Подвинулся к председателю вплотную, закричал:

— Не бил ли вас, г. Редькин, кто по морде за иезуитство ваше. И не есть ли вы по происхождению из поповского звания. Родственно и схоже это звание католической папской церкви иезуитов-прохвостов.

Редькин вдруг поворачивается и говорит:

— Семен Лукич, вы слышали? Оглянулся Эстер—Семен Лукич, жилец дома, стоит.

— Слышал, говорит, Петр Васильевич, и подтверждение иметь могу.

Отбавилось после этих слов в голосе Редькина лепоты, взамен чего запружил голос (административная нотка, с железцем):

— За подобные оскорбления, товарищ Эстер (не Эстер, а мягче Естер), хочу по суду. Это клевета во всеуслышание, ввиду как родители мои в священниках не числились, ни дед также; и звания-то есть я почетного и равно это как бы звание рюрикору корню. Состою я мещанином города Москвы испокон.

И прибавил:
— И как изволили вы меня оскорбить при исполнении обязанностей, тем паче по суду разрешение надлежит.

2.

«Дневник—сочинение мещанина Петра Редькина»

Апреля 15.

Замечена мной трещина на лицевом фасаде дома. Дом наш стоит больше 50 лет. Хороший дом 2-хэтажный. Лепной. Говорил мне Семен Лукич, что постройкой начат, когда прибыл из Петербурга по особым делам срочным государь Александр Николаевич. Хозяин-то дома, Федюков—купец, помер он лет 25 назад, за счастье посчитал начать постройкой, когда в Москве его величество.

Апреля 16.

Трещинка по моему мнению увеличилась, хотя в тунике нашем громыхания частого не бывает.

Семен Лукич говорит:—Ничего! Он человек старый, ему, конечно, ничего; а по молодости лет—кирпичик на голову у-ух!

Апреля 18.

Жилец нашего дома гражданин Эстер, человек внерусского происхождения и по моему замечанию, по всей вероятности, состоит в коммунистах. Как я есть председатель, то коммунисты мне не страшны. Бывает у него девица одна. Похожа она на уличных. Она раз утром от него шла, а я ее остановил:

— Не от гражданина ли, говорю, вы Эстера?

Она посмотрела на меня и сказала:
— Да. А вам почему это интересно?

Я на это ей так:
— Нужно мне повидать гражданина Эстера—я беспокоил вас узнать, не спят ли они?

— Нет, сказала.
— А между прочим в какой вы профессии состоять изволичете?

Она дернула так плечиками и говорит:
— Какое вам в том дело?

Я еще больше укрепился в той своей мысли, что завелась в нашем доме проститутка.

Трещинка под карнизом в одном состоянии.

Апреля 25, суббота.

Гражданину Эстеру на трещинку показал и говорю, что убить может кирпичом даму, дескать, вашу.

Он это мое замечание принял, как сказал я его с задним нам-рением и меня саркастически спросил, не поповского ли я, священнического звания по происхождению.

Хотя звание это почетно. Но я как за оскорбление в геперешние времена его привнял и сказал, что по суду буду дело решать, как за порочение чести.

Заявление сегодня сосватал и в суд снес, в трибунал.

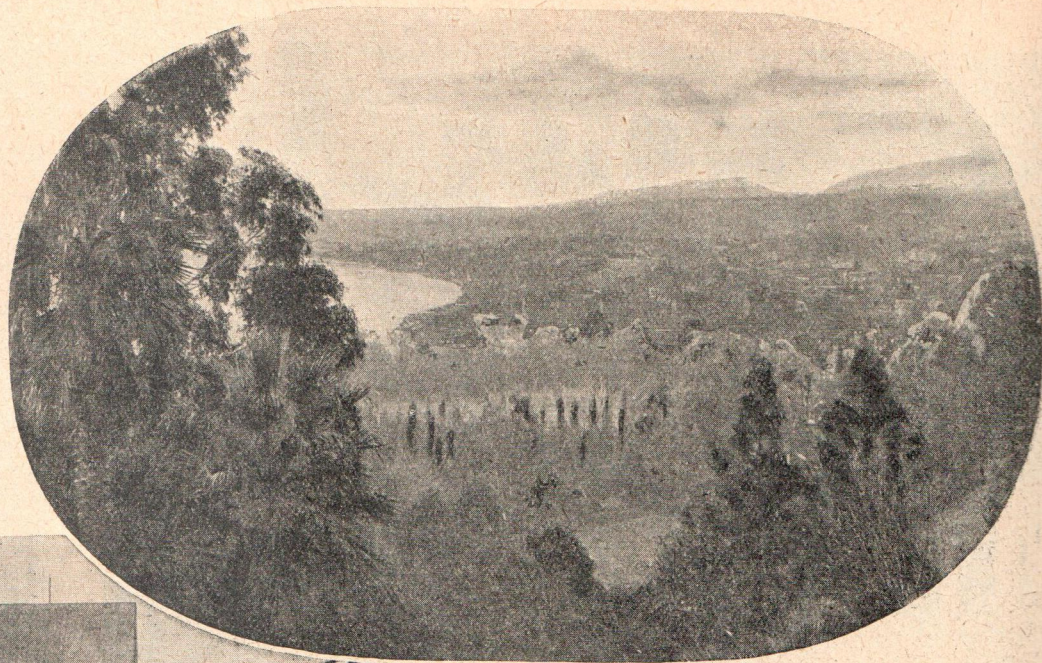
Слушанием мое дело назначено на мая пятое число.

В заявлении указал, что замечен жилец, гражданин Эстер, кроме прочего в анти-моральном поведении, в приводе проституции в наш дом мая.

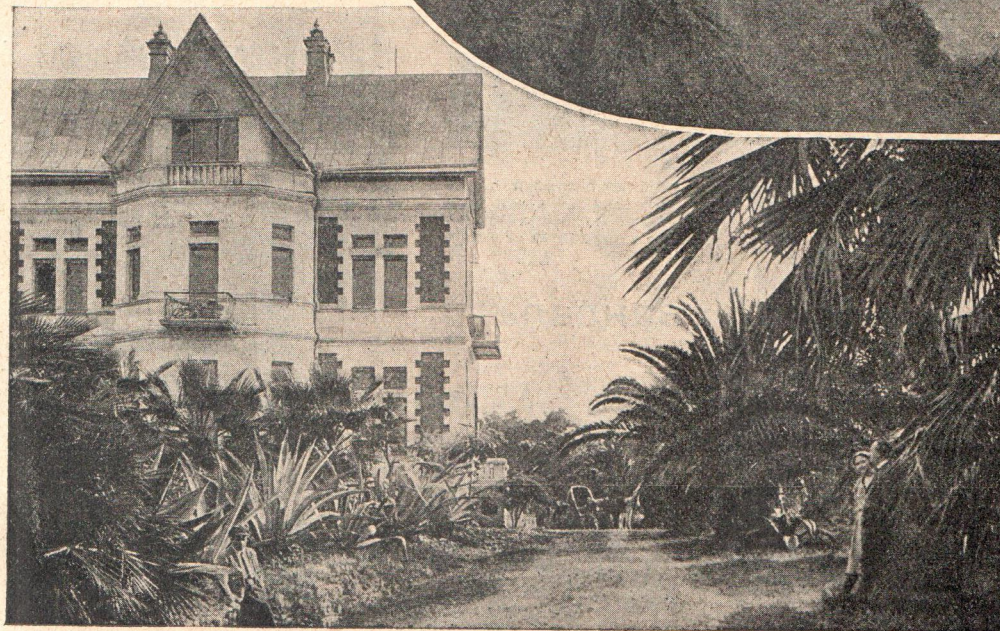
Суд вышел совсем даже неожиданный и притом в несправедливом освещении дела гражданином Эстером. Ввиду того, что явилась эта девица его женой по пас-

Где лечится и отдыхает Л. Д. Троцкий

Фот: Леви.

Вид из окна дома, где живет Л. Д. Троцкий.

Дом в Сухуме, где живет Л. Д. Троцкий.

«Ввиду тяжелого ремонтного состояния дома № 6 по Обуховскому тупику проезд по тупику в автомобилях и груженых телегах запрещаю».

Подписался: Председатель жилищоварищества Редькин.

Вывесил объявление на углу тупика. Прохожих в тупике мало, почти нет, но кто шел — записку читал. Иной улыбался. Записка была в восьмистишье обыкновенного листа.

Не читал записки, а только издали увидел шоффер. Ехал в автомобиле за дачными вещами в дом № 13.

Гляди шоффер — стоят трое у какой-то записки и смеются. Подумал:

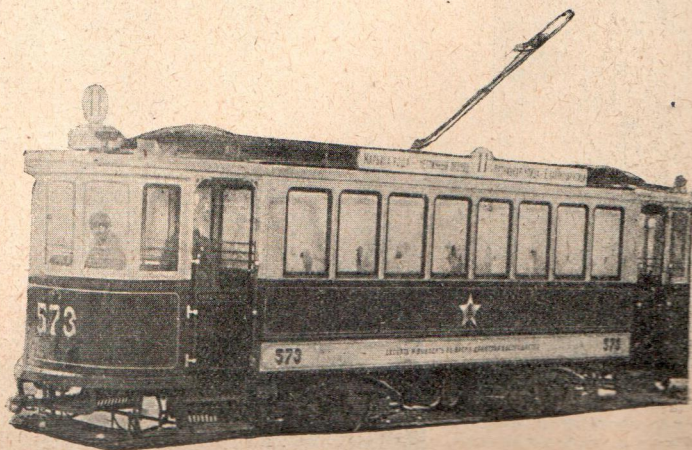
— Веселенькая, должно, история!

Но с грузовика не слезать. Машина солидная, тяжелая. Заворочался медведем по тупику, запыхтел, загудел — заввели окна кой-где, заухало эхо в подворотнях, а возле дома б. что с трещиной по фасаду — председатель Редькин.

— Остановитесь, — кричит. И руков машет.

На московских трамваях

Фот. В. П. Минулина.

Первый московский трамвай с изображением Красной Звезды, внутри которой помещен портрет В. И. Ленина, стоящего на земном шаре. Такие знаки изготовляются для всех вагонов.

портной трудовой книжке и по нотариальному засвидетельствованию. — А почему вы по разным квартирам проживаете? задал я этот вопрос гражданину Эстеру.

Он мне на это:

— А почему вы с женой своей на одной квартире живете?

Я ему в раздражении и гневе закричал:

— Что же мне, по вашему, как кобелю с сукой по раздельности бегать, а потом сбегаться для удовлетворения естества.

Тут судья нас перебивает и меня спрашивает:

— Не горячитесь, гражданин Редькин. Не принадлежали ли вы или родители ваши к эксплуататорскому классу, то-есть, по сбережению сумм в государственной копилке.

И хоть у меня пропало в государственной сберегательной кассе 1730 р. 35 копеек., я ему ответил, что беден был и бедным умру.

Свой такой обман я допустить могу вполне, потому что к сия-

ценнической клятве нынче в судах не подводят — и греха в моем заявлении усмотреть нельзя.

— Тогда, — сказал судья, — идите оба домой, как тяжба ваша есть мелочь и идеологическая темнота.

Мы вышли с гражданином Эстером, я ему сказал:

— Несправедливо это решение. Псдам на кассацию.

Он на меня посмотрел и произнес:

— Дурак вы!

Трещина на дому увеличилась. Говорил мне Семен Лукич, что проезжал сегодня без меня воз с жестяным товаром.

— Почему, — сказал я Семену Лукичу, — не попросили вы возчика трусить по шоссе мимо нашего дома во избежание.

Семен Лукич опять сказал: «Ничего. Не упадет.»

В том он неправ.

7 мая.

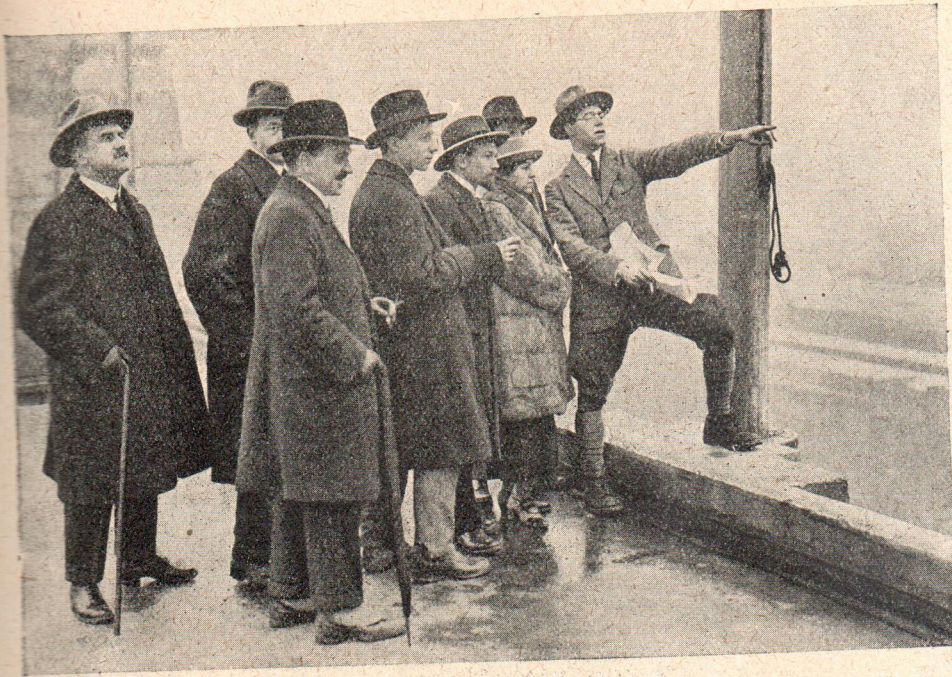
Вывесил на воротах объявление, чтобы мимо дома не ходили в виду обвала и угрозы жизни.

3.

Дневник закончился 7 мая. Жизнь тоже кончается на чем-нибудь маленьком — на слове каком, мысли какой ничтожной, или даже записке несущественной. Бывает, что завершается жизнь по другому совсем — по трагическому; а что человек заметный при том или не заметный — это все равно.

Наша торговля с Канадой

Фот. для «Огонька».

В прежние времена в торговом балансе России крупное место занимали операции с другой великой земледельческой страной мира — Канадой. Только теперь начинают восстанавливаться торговые сношения СССР с этой богатой колонией Великобритании. Наше торговое представительство, во главе с А. А. Языковым и И. Куликом (х), на этих днях прибыло в торговую столицу Канады — Монреаль.

Шофер не понял, да и не глядел в ту сторону.

Редькин опять: — Остановитесь! Трещина!

Шофер повернулся, видит:

Человек.

Грозится человек ему, шоферу, а шофер не знает за что.

И еще видит:

Заматался наверху лепной карниз и грудой — на человека.

И еще: как человек упал на колени, потом гнулся лицом в тротуар, потом лицо поднял: губы у человека (шоферу рядом совсем) — желейкой.

Шофер машину выключил. Во всеобщей, вдруг на секунду пришедшей тишине, шофер слово услышал странное, маленькое (грузовик-гигант, карниз-гигант).

Слово незначительное, шепотом, из губ желейкой:

— Трещин-ка...

После чего губа оборвалась мясом. Кирпич (гигант) — по желейке, и кровь с пылью, с известкой и щебень.

Это последнее.

Шофер с машины соскочил, но было поздно.

С. Ващенко.

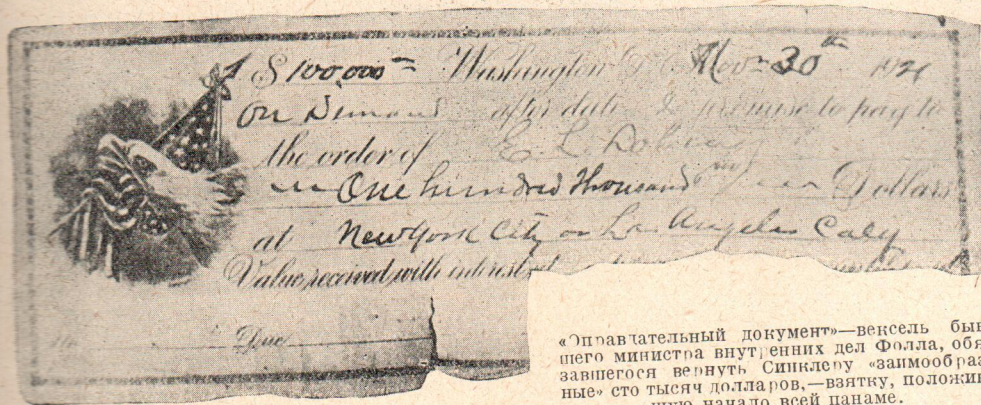
Американский нефтяной скандал

Фот. для «Огонька».

«Место действия». Типотдомские скалы, под которыми заложены нефтяные месторождения американской казны, за взятки уступленные частным промышленникам.

Американский нефтяной скандал

«Оправдательный документ» — вексель бывшего министра внутренних дел Фолла, обязанного вернуть Спиклеру «заимообразные» сто тысяч долларов. — взятку, положившую начало всей панаме.

Американский нефтяной скандал

Гражданская война в Китае

Государственный прокурор Догерти, производивший следствие по всему нефтяному делу и оказавшийся в результате прикосновенным к делу о взятках амери-

Женщина, руководящая одним из повстанческих отрядов.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА
на
еженедельный
журнал

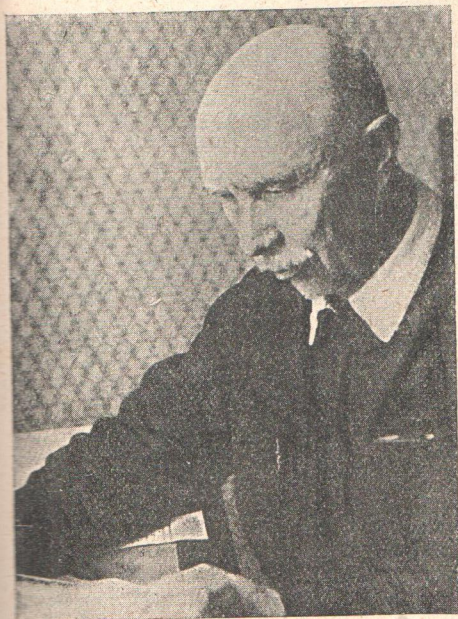
«Огонек».

Юбилей Серафимовича

Заметка А. Луначарского.

Я чрезвычайно рад, выпавшей на мою долю чести, быть председателем комитета по чествованию т. Серафимовича. Это один из редких писателей, заслуживших до революции почетную известность, уже в эту эпоху преданно служившему авангардом народных масс, а после революции со всей решительностью примкнувшему к ее руководителям.

Фот. А. Самсонова.

А. С. Серафимович

Всем нам памятно, какой травле подвергла писательская братия т. Серафимовича за этот открытый жест его.

Тов. Серафимович ценен нам как художник бытописатель, который умеет осветить народный быт, с большой чуткостью и сердечностью и в то же время быть совершенно правдивым, так что картины его могут являться настоящим документом для социолога.

Отмечу также, что много раз в то время, когда тов. Серафимович состоял заведующим литературным отделом НКП, я с великим удовольствием выслушивал его горячие и убежденные доклады о работах по отысканию и развешиванию талантов из трудового народа, каковому делу т. Серафимович остается преданным до глубины души.

Я ограничусь этими строками, так как мне придется еще не раз, в связи с предстоящим юбилеем, возвращаться к оценке писательской и общественной фигуре тов. Серафимовича.

А. Луначарский.

Стихотворение

Роланд Росса.

Трансмиссия в ходу!
Вертится плавно маховик.
Бежит ремень куда то бесконечно.
Да ток моей любви велик
И чувство наше неразрывно вечно
В раз — в аду.
Трансмиссия в ходу!
Беги, беги челнок!
Ты, тки любви цветной узор
И жизни ткань широкой подосою
Крепя сердечный договор
Плыла красивая и пестрая к навою
Путь радостно далек.
Беги, беги челнок!
Клеветала страсть волной
И взгляд унесся вдаль вперед
Челнок дрожит... запутался безвольно
Сквозь бесплощадно цвет...
Удари сердца замерли так больно...
Все смолкло вдруг волной —
Плыл на холостой.

Роланд-Росса.

Юные натуралисты

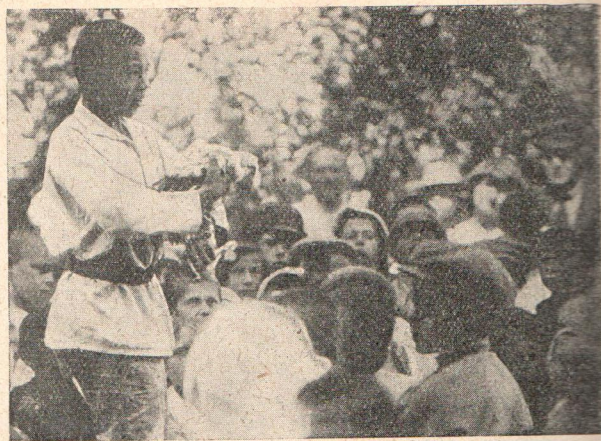
Фот. Н. Горбачева.

Научить детей любить природу и заставить их мыслить над ней отвлеченно — этого хотели лучшие педагоги всех времен и народов.

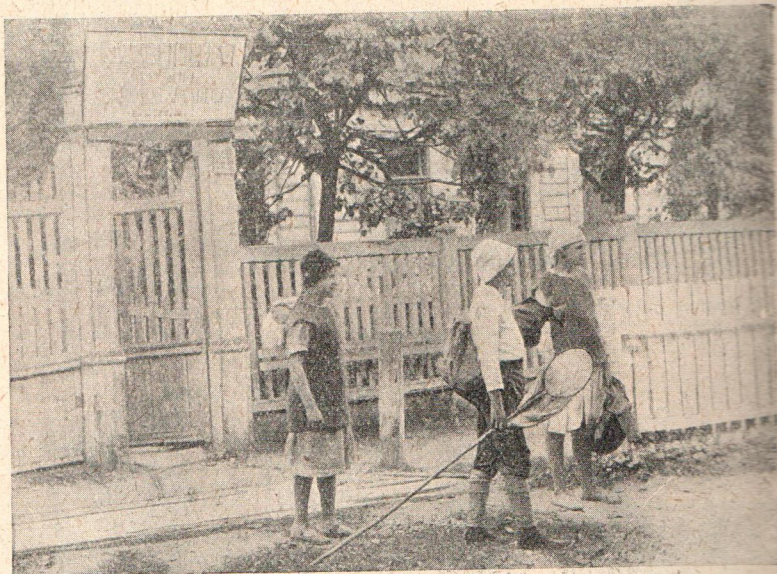
Биостанция имени Тимирязева с этой задачей справляется хорошо. Но интереснее всего то, что дети и подростки не только учатся. Они представляют собою великолепные орудия для черной научной работы. Воспитанники школы-колонии при Биостанции организованы в летучий отряд. Этот отряд с добросовестностью охотничьей своры и искусством военных разведчиков бродит по всем углам и закоулкам Сокольников и окрестных мест, исследуя, изучая, разыскивая, шпиона и грабя. В определенные промежутки времени

этот отряд подвергает целые участки (Сокольники и другие места) настоящим мирным обловам. Во время этих «облав» отряд исполняет массу всяких заданий по исследованию местной фауны.

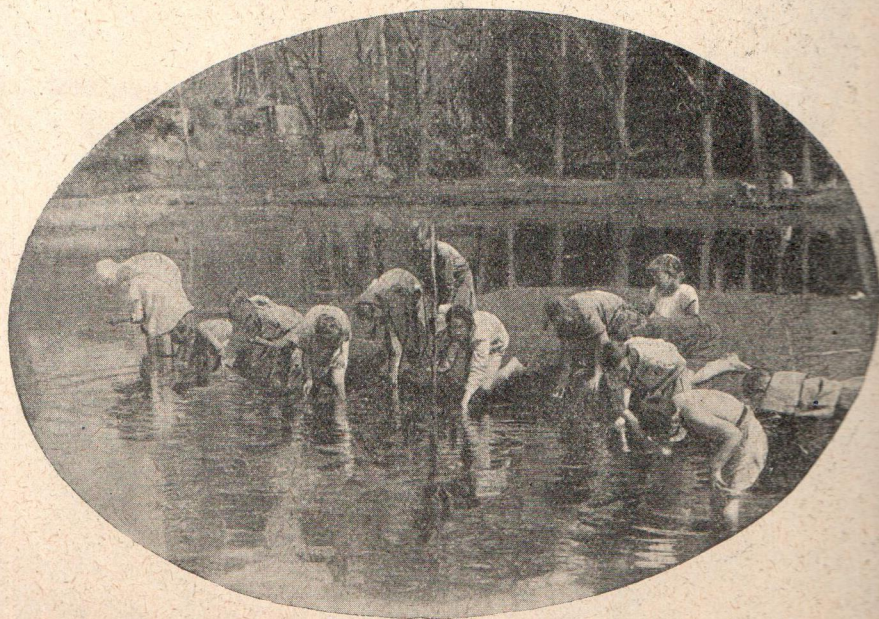
Самое лучшее, что можно сказать о Биостанции — это «идите и убедитесь!» — Убеждайтесь в том, как путем долгой закалки мальчики приучаются бегать по морозу без верхнего платья, как они возвращают себе счастье

Юные натуралисты.

Группа «Летучего отряда» отправляется в отдаленную школу для организации кружка.

Обследование водоема.

ливые способности, утраченные длинными поколениями их ушедших от природы предков — способность понимать природу и соперничать с нею и ее

созданиями, как они учатся от природы тому, что полезно и вредно, что нужно и что ненужно, что красиво и некрасиво.

М. Тарловский.

ДВЕ БИРЖИ

Очерк Ал. Терского

Фот. Отто Шмидта.

Черная биржа.

«Даю червонцы».

Черная биржа.

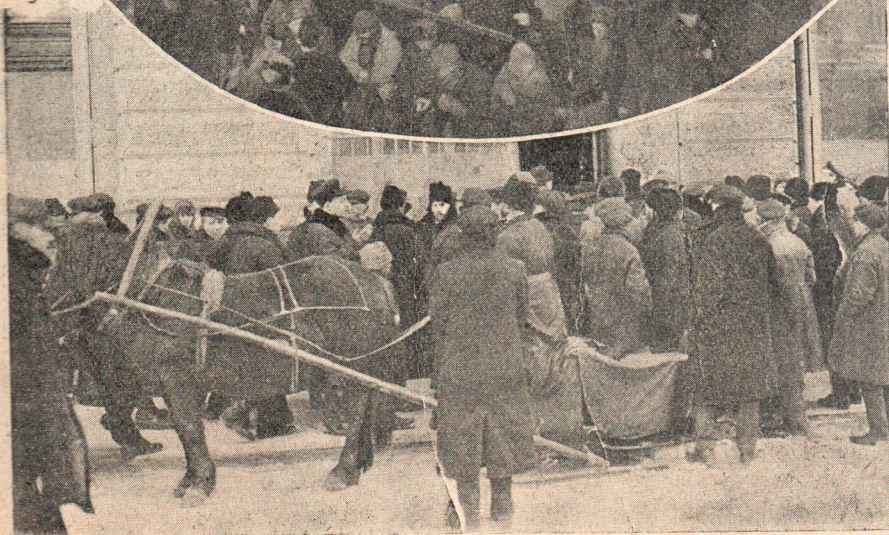
Во дворе на Ильинке.

I.

— Даю червонцы!
— Возьму золото и серебро! Дам золото и серебро!
— Кто мне даст тридцать червонцев! Я возьму тридцать червонцев!
Возьму, возьму!..
— Гражданка, вы продаете червонцы? Может быть вы покупаете червонцы? Нет? Но, может быть, вы интересуетесь долларами. Дам доллары! Может быть, вам нужен золотой заем?

Шумит, гудит, волнуется черная биржа, эта валютная Сухаревка. Шныряют из конца в конец юркие люди, молодые, почти мальчики, и старые, шпана в кожаных куртках и английских шинелях и «акулы», одетые в шубы. Алчные с горящими жадными взглядами набрасываются

Фот. Отто Шмидта.

В овале—биржа труда. Ниже, на лево—елеющая черная биржа, обильная „безработными“. Направо—безработные на бирже труда. Работа получена. Долгожданый листок назначения.

От корреспондента «Огонька».

Подвозка шерсти скотом киргизского отделения Киргосторга.

они, как на жертву, на всякого нового человека, появляющегося в сфере их деятельности.

Центр валютной Сухаревки—Ильинка, Карунинская площадь. В этом районе на каждом шагу стоят отдельные дельцы и целые группы их с вытянутыми вперед шеями, склоняющие во всех падежах слова—червонец-доллар-золото.

Их разгоняют, их штрафуют, их деятельность ограничивают определенным местом, но они цепко держатся за свое ремесло и яростно борются за существование «черной» биржи—арены их деятельности—и, несмотря на все строгости, вы, идя по Ильинке и прилегающим улицам, всегда услышите это «даю, беру». Разве только особенно осторожный дельец, вместо прежнего громкого возгласа, произнесет это свистящим шопотом прямо вам в ухо. Шутка ли сказать, даже самые мелкие чернорыбные спекулянты зарабатывают на своих «операциях» до 3-х червонцев в день!

Валютных дельцов загнали во двор на Карунинской площади, во здесь для них мало простора. Сюда собираются лишь незначительная часть их, так сказать для официального дежурства, а остальные предпочитают стоять на площади в углу у магазина Госиздата, на улицах, стараясь принять вид мирных трудовых обывателей,

но, по вкоренившейся в них привычке, выкрикивающих «беру червонцы» даже в лицо милиционера, проходящего мимо.

Помимо «честного» процента на продаваемую и покупаемую валюту, некоторые

дельцы прирабатывают и всякими добавочными способами.

— Гражданка, ваш червонец не годится!

— Почему не годится? — испуганно вскидывает на спекулянта глаза какая-то работница или служащая.

Красная свадьба

От нашего киевского корреспондента.

В клубе киевских печатников недавно одновременно были отпразднованы две «красные» свадьбы. Невесты— две работницы второй типографии местного Полиграфтреста. Оба жениха — красноармейцы подшефного союзу печатников радио-дивизиона. В торжественной обстановке новобрачные были посажены за столом президиума, который составил из представителей союза печатников и подшефного дивизиона. После краткого доклада о сущности нового быта были оглашены приветствия ряда киевских партийных, союзных и общественных организаций, после чего многочисленные гости, рабочие и красноармейцы, поздравляли новобрачных, которые заявили, что постараются устроить свою жизнь по новому. Все присутствовавшие подписались под телеграммой, отправленной Л. Д. Троцкому, как поборнику нового быта. В телеграмме выражается уверенность, что новый советский быт прочно укоренится в нашей пролетарской стране. Празднество затянулось до утра. Новобрачных начали под хоровое пение «Долой, долой монахов, дворян и попов!»

— Он весь в пятнах и измазан. Банк не принимает. ...их окружает целая стая других дельцов. Они с видом знатоков рассматривают червонец со всех сторон и авторитетно высказывают свое заключение:

— Да, этот не годится. Банк не берет.

Испачканный рабочими руками червонец идет по значительно пониженной цене. Его берут «на ризек». «Из сочувствия».

Есть и такие ловчаки, которые, продав нуждающемуся пятичервонцевую бумажку, с потрясающей ловкостью рук вручают наименшему покупателю бумажку одночервонную. Или, продав десять червонцев—по-одному,—ухитряются положить настоящий червонец только сверху, а вниз кладут самую обыкновенную чистую писчую бумагу.

У чернобиржевиков своя натура, свои убеждения. Их главный лозунг, их телец—червонец.

Недавно у Ильинского скверика был сбит с ног автомобилем гражданин, упавший замертво на землю. Около него собралась кучка любопытных. И немедленно же сюда побежали чернобиржевики с криками «даю-беру», а увидя, что здесь червонцев не продают и не покупают, стали высказывать свои суждения:

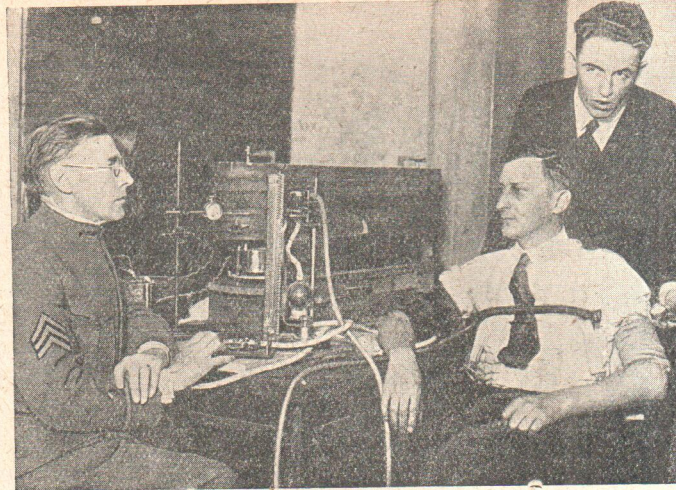
— Какой костюм испорчен! Этот костюм стоит двадцать червонцев!

— Брюки совершенно разорваны! Английские брюки, три червонца аршин!

Неудивительно поэтому, что когда на черную биржу пришел фотограф «Огонька» с аппаратом для с'емок, ильинские дельцы прежде всего вцепились руками в аппарат.

— Сколько?

И только узнав, что аппарат предназначен не для продажи, а для с'емок, они беспокойно засуетились: люди такого типа не любят

Америка дошла даже до таких усовершенствований в своей судской технике, как раскрытие обманов посредством специальных аппаратов. На снимке «Огонька» воспроизводится картина такого допроса.

СПОРТ

Фот. Р.-Р.-Н.-С

Здесь также можно встретить стариков, и молодежь, почти подростков, и мужчин, и женщин с детьми и прилично одетую машинистку, простого рабочего в потертом, грязном кожухе.

Здесь также просят. Здесь сердца также горят жаждою. Жаждою работать. Здесь мечтают только о работе.

Есть лица совсем истощенные, стюмы—совсем истрепанные, в платках.

Длинные очереди к окошечкам за работой, за пособием. От окошечка учителей отходит человек в кожаной куртке, в барашковой шапке, с помажкой в руке. Смотрит в бумагу и радостно улыбается. Он только что получил работу.

— Полгода ждал!

И не может налюбоваться на помажку, где указаны место и условия работы.

... Две биржи—такие сходные названием и внешнему виду и так далекие по своей сущности.

Александр Терской

запечатлеть свои лица на фотографических пластинках.

Черная биржа осуждена на гибель. С выпуском звонкой монеты и твердых, обеспеченных денежных знаков, с открытием специальных бюро для продажи валюты, она сама, без административных мер умрет, оставив по себе только воспоминания.

II.

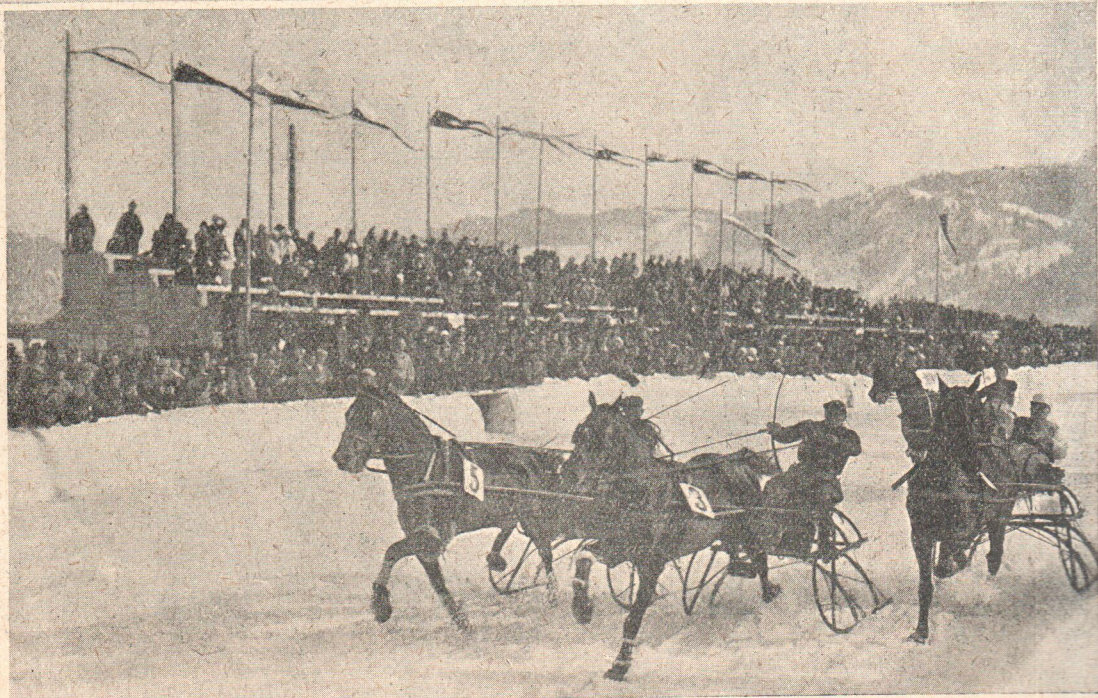
И есть другая биржа.

Огромное здание во дворе, на Рахмановской улице. Большие доски с номерами перед зданием. Толпы народа. Одеты просто, многие совсем убого.

Биржа труда—это маяк трудящихся, временно оставшихся без работы, желающих только одного—работать. С их рук не сошли еще мозоли.

Торопливо идут сюда с раннего утра тысячи людей и, прежде всего, с трепетной надеждой вглядываются в доски с номерами.

— Ах! На доске только 3-й номер, а мой 125-й!

Зимний спорт в Германии. Выше—лыжные состязания. Лыжники пользуются для ускорения бега лошадьми. Ниже—санные бега.